

Калашникова Лариса Валентиновна

МЕТАФОРА И МИФ. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Мифу и языку свойственна одна и та же концептуальная форма - метафорическое мышление. Метафора создает духовную связь между языком и мифом. Ее следует рассматривать не как определенное явление речи, а как одно из конститутивных условий существования языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 96-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

МЕТАФОРА И МИФ. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Калашникова Л. В.

*Кафедра иностранных языков
Орловский государственный аграрный университет
lkalashnikova@inbox.ru*

Аннотация. Мифу и языку свойственна одна и та же концептуальная форма - метафорическое мышление. Метафора создает духовную связь между языком и мифом. Ее следует рассматривать не как определенное явление речи, а как одно из конститутивных условий существования языка.

Ключевые слова и фразы: миф; язык; концептуальная форма; метафорическое мышление; метафора; явление речи; конститутивное условие.

Процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют в понятийной системе человека, определяющей его мышление и поведение. Понятийная система осознается не всегда, чаще всего мы мыслим и действуем в соответствии с определенными схемами. В процессе возникновения и функционирования этих схем метафора играет двоякую роль. Во-первых, метафорическое мышление выступает как особый способ познания мира. В таком случае это познание субъективно, лично, синкретично, обладает многими мифологическими чертами. Во-вторых, метафора, особенно «стертая» - застывшее языковое выражение, фразеологизм - несет в себе давно устоявшийся смысл, выступает как передаваемый от одного индивида (или целого поколения) к другому определенный взгляд на то или иное явление или объект, как уже готовый фрагмент картины мира.

Частью картины мира является система закономерно взаимосвязанных устойчивых метафор, сформировавшихся в определенной лингвокультуре и усвоенных ее представителями. Это та совокупность «снов языка», которая образует в культуре миф. Он структурирует взаимосвязи и отношения, как между элементами этой культуры, так и самой этой культуры с окружающим миром, а также обусловленное ею познание мира [Барт, 1994; Панов, 1992; Глазунова, 2000].

Факты, объекты, события сознания «стоят как бы на линиях», пронизывающих все эпохи, человеческие структуры [Леви-Строс, 1994]. Они, существуя вне времени, играют роль «мира». Это - «мировые события» (таковы символы, мифы). Некий «универсальный наблюдатель» мирового события есть «сфера сознания». Рефлексивная и объективирующая деятельность сознания возможна только посредством языка, поэтому сознание необходимо строго отличать от мышления. Операции сознания как операции различения а, следовательно, и индивидуализации, объективации, отчуждения - специфичны и возможны только в рамках языковой деятельности.

Язык опосредует отношение «мир - человек» и дает средство для осознания и описания этого отношения. Эта самореферентность обращает на себя внимание. Язык имеет тенденцию как бы не замечаться, бессознательно отождествляться с Миром, и это является уже первичной мифогенной ситуацией. Для мифов характерно наивное очеловечивание всей природы (всеобщая персонификация). В первобытном обществе мифы - основной способ познания мира, опирающийся на своеобразную логику; особенность мифологического сознания - установление мнимых связей между различными явлениями.

Мифологическое и языковое мышления тесно переплетены между собой. Структура мифологического и языкового мира определяется одинаковыми духовными представлениями. Но это может быть полностью осознано лишь при обнаружении общих корней. Мифу и языку свойственна одна и та же концептуальная форма - метафорическое мышление. Именно метафора создает духовную связь между языком и мифом.

Метафора направляет взгляд и организует его: в предмете, который так описывается, выступает на первый план и может быть увидено то, что его роднит с предметом-источником метафоры. Дело тут в интеллектуальной «оптике» времени, которая делает людей восприимчивыми к одним аспектам изучаемых явлений и, наоборот, нечувствительными к другим. В этом есть своя логика, и вот ее-то очень во многом определяют базовые, «маточные», «корневые» порождающие метафоры, которые работают в теле культуры как организующее, собирающее, направляющее начало. Они действительно способствуют познанию, установлению реальных связей между элементами мироздания, которым, в зависимости от особенностей ведущих метафор, дается то или иное описание: чтобы людям данного времени было понятнее.

Не всякая метафора способна действовать подобным образом. Метафоры языка, механизма, организма только потому и смогли стать эвристически значимыми, что отвечали некоторым глубинным интуициям людей данной культуры. Открытие метафоры как познавательного средства и языка как особого мира вооб-

ще - результат нарастающего понимания неизбежной условности, неточности, неполноты человеческого описания мира. Метафора - сознательный перенос названия одного представления в другую сферу - на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предполагающее какие-либо косвенные с ним «аналогии». *Разве красота не совершила Даниловых чудес укрощения зверей...?* [Лесков, 1991, с. 206].

Мифологический концепт позволяет осмыслить ситуацию, т. е. проанализировать и активировать эквивалентную структуру из памяти. Метафорический перенос дает возможность прогнозировать события, вызывать репрезентацию концепта с учетом качественных характеристик мифологического концепта. *Авось звуки музыки укроят Африкана Семеныча. Орфей укрощал же диких зверей* [Тургенев, 1975, с. 47].

Если верно, что метафору в общем смысле следует рассматривать не как определенное явление речи, а как одно из конститутивных условий существования языка, то для ее понимания нужно вернуться к основной форме образования понятий в языке. Они возникают из акта концентрации, компрессии чувственного опыта, создающего необходимые предпосылки для формирования каждого языкового понятия. Миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык - благодаря мифу.

Такое намеренное отождествление двух различно воспринимаемых и различно задуманных содержаний - основной способ мифологического мышления и переживания. Это употребление метафоры явно предполагает, что и языковое содержание отдельных элементов, и языковые корреляты этого содержания задаются в качестве уже известных величин: лишь после того, как элементы определяются и фиксируются в языке, они могут взаимозаменяться.

Известны примеры обращения разных писателей к одному и тому же концепту «змея», на пример, в дискурсе романа Н. С. Лескова «На ножах»:

- Да; я совершенно беспомощна, беззащитна... и у меня даже не может быть другого защитника, - хотела досказать Лара...

- Говорите, пожалуйста: чего вы боитесь, что еще вам угрожает?

- Я вся кругом обобра... я нищая.

- Ах это!... да разве уже срок закладной дома минул?

- Да, и этот дом уже больше не мой; он будет продан, а я, как видите, - обогана, поругана и обещена.

Лариса заплакала, склоня свою фарфоровую голову на белую ручку, по которой сбегал, извиваясь, как змея, черный локон [Лесков, 1991, с. 48].

От внимания читателя не должен ускользнуть факт противопоставления: «фарфоровая голова» и «ручка». Более оправдано было бы употребление «рука». Противопоставление цвета: «белый» и «черный». Довершает картину метафора «сбегал, извиваясь как змея, черный локон» (негативный оценочный компонент). Наряду с энциклопедическими и общепринятыми знаниями существуют знания, пришедшие из сказок и мифов, согласно которым змея не только мудра, умна, хитра, но и коварна, лицемерна, изворотлива и ловка. Такое использование фоновых знаний, когнитивных структур не только активизирует концепт, но и заставляет выбрать соответствующий доминирующий признак. Читатель должен задуматься об искренности слов Ларисы: так ли она беззащитна, унижена и оскорблена. К концепту змея обращается и Э. Бронте в произведении «Грозовой Перевал» [Бронте, 1959, с. 121]:

- Иуда! Предатель! - закричала я. - Вы вздумали вдобавок лицемерить, да? Обманщик!

- Кого ты так, Нелли? - сказал голос Кэтрин...

- Вашего бесценного друга! - ответила я с жаром, - эту подлую змею!

И. С. Тургенев сравнивает со змеей чувство, его появление: - *Любовь! То является она вдруг, несомненная, радостная, как день; то долго тлеет, как огонь под золой, и пробивается пламенем в душе, когда уже все разрушено; то вползет она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон...* [Тургенев, 1975, с. 81].

Одновременно, простейший мифологический образ возникает лишь в силу трансформации, посредством которой впечатление из сферы обычного, повседневного и повышается в ранг «священного», мифологически и религиозно «значимого». Концепт «змеи» коварной и хитрой дошел до нас из библейской легенды: *Змей был хитрее всех зверей, полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого в раю?...*

И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня...

И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни своей. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в яту... [Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические, 1997, с. 3].

Языковая форма метафоры соотносится с мифологической. Одна вторгается в другую и обуславливает ее содержание. Эта обусловленность может рассматриваться только как взаимная. Язык и миф с самого начала находятся в неразрывной связи, из которой постепенно вычлняются как самостоятельные элементы. Они являются различными побегими одной и той же ветви символического формообразования, происходящими от одного и того же акта духовной обработки, концентрации и возвышения простого представления.

В языковом и, прежде всего, в мифологическом мышлении господствует закон нивелирования и растворения специфических отличий. Каждая часть эквивалентна целому, каждый экземпляр - виду. Каждая часть не только репрезентирует целое, а индивид или вид - род, но они ими и являются; они представляют не только их опосредованное отражение, но и непосредственно вбирают в себя силу целого, его значение и действительность. Эта основная черта мифологической метафоры позволяет точнее определить и понять смысл и действие того, что называют метафорической функцией языка.

Миф относится семиотикой к так называемым «вторичным моделирующим системам». Вторичные моделирующие системы есть реакция на экзистенциальный диссонанс первичной моделирующей системы - естественного языка. В стремлении ослабить напряженность диссонанса Миф совершает специфические языковые операции над самим языком с целью заикнуть, ограничить, в пределе полностью нейтрализовать необратимость и свободу речевого темпорального потока. Метафора, однако, не ограничивается одной лишь сферой языка. В современном языке метафора - свернутый миф, адресованный глубинным пластам сознания. Общность метафоры и мифа - в интуитивном видении родства между различными явлениями или объектами, многозначности и многосмысленности, требующей не понимания, но толкования. Метафорическое мышление по своей форме противоположно дискурсивно-логическому потому, что сводит концепт в точку, в единый фокус.

Список литературы

Барт Р. Миф сегодня // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Бронте Э. Грозовой перевал. М., 1959. 343 с.

Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 190 с.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

Лесков Н. С. На ножах. Тула: Приокское издательство, 1991. 415 с.

Панов В. Г. Эмоции. Мифы. Разум. М.: Высшая школа, 1992. 252 с.

Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. М.: Художественная литература, 1975. 320 с.

METAPHOR AND MYTH. METAPHORICAL THINKING

Kalashnikova L. V.

Department of Foreign Languages

Oryol State Agrarian University

lkalashnikova@inbox.ru

Abstract. Both myth and language have the same conceptual form - metaphorical thinking. Metaphor creates spiritual connection between language and myth. It should be considered not as a certain phenomenon of speech, but as one of the constitutive conditions of language existence.

Key words and phrases: myth; language; conceptual form; metaphorical thinking; metaphor; phenomenon of speech; constitutive condition.